

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 821.161.1

DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-2-185-193

ГЕНДЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ДОКАТОРЖНОГО ПЕРИОДА

GENDEROLOGICAL SEARCH OF F.M. DOSTOYEVSKY IN WORKS BEFORE PENAL SERVITUDE PERIOD

Н.А. Макаричева

N.A. Makaricheva

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21

Saint-Petersburg State University of Economics,
21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia

E-mail: 812nataly@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности женско-мужских отношений в ранних произведениях Ф.М. Достоевского. Цель работы – представить результаты анализа романа «Бедные люди» и первых повестей Достоевского в гендерном аспекте. Особое внимание уделяется представлениям Достоевского о женской и мужской психологии, которые нашли выражение в образе Вареньки Доброселовой и двух мужских характерах: слабом (Макар Девушкин) и сильном («хищном» – господин Быков). В своих первых произведениях Достоевский изображает взаимоотношение мужчин и женщин на физическом, душевном, духовном уровнях, моделируя драматические и трагические сюжеты любовных отношений. Внимание к докаторжному творчеству Достоевского обусловлено тем, что гендерологические искания этого периода повлияли на формирование мужских и женских характеров и специфику женско-мужских отношений в романном «Пятикнижии» писателя.

Abstract

The article is devoted to identification of gender relation features in early works written by F.M. Dostoyevsky: the novel «Poor People» and the first stories of Dostoyevsky. Identification of Dostoyevsky's gender psychology ideas, about features of mutual understanding of men and women and about those bases on which relationship of representatives of opposite sexes who have found artistic realization in works of early pre-exile period is based is essentially important. The attention to the designated stage of life and Dostoyevsky's creativity is caused by the fact that genderological pursuits of this period have had significant effect on formation of male and female characters in the later novels of the writer and specifics of the women's and men's relations represented by Dostoyevsky. For Dostoyevsky mutual understanding between the man and the woman, their warm mutual inclinations are possible as the highest moments of their short relations. No less interesting for the writer are drama options of interaction of the man and woman which are connected with motive of «fault for former love», «love-hate», «sinfulness of the fallen woman».

Ключевые слова: гендерология, взаимоотношения полов, женская психология, мужская психология, любовный треугольник, материнское чувство.

Keywords: gender studies, gender relations, female psychology, male psychology, love triangle, maternal feeling.

Введение

Обозначенная нами тема – гендерологические искания в творчестве Ф.М. Достоевского – очень масштабная. Различение полов имеет значение в философии, в христианстве, в социальной психологии, в антропологии и т. д. Например, в философии об изначальном синтезе полов и последующем их различении читаем в диалоге Платона «Пир» [Тихомиров, 2011: 299]. В христианстве заповедано о конечном слиянии полов (что подчеркивал и Достоевский). Вяч. Иванов писал о принципе чёт и нечет (правое/левое, и другие выражения) [Иванов, 1978], что находит свое отражение и в дихотомии «мужское/женское». Принцип этот универсален для человеческого восприятия и сказывается повсюду, в том числе и в гендерной проблематике. Иначе говоря, специфика женского понимается лишь через соотношение с мужским, и наоборот.

В российском научном пространстве активный интерес к гендерным исследованиям проявился в 1990-е годы [Электронный библиографический указатель печатных материалов по истории женщин в России и гендерным исследованиям, <http://www.russianwomen.org/>]. Об этом свидетельствуют работы М.В. Михайловой [Михайлова, 1998а; Михайлова, 1998б; Михайлова, 2000], Е.И. Трофимовой [Трофимова, 1998; Трофимова, 2002], Н.Л. Пушкаревой [Пушкарева, 1996; Пушкарева, 1997; Пушкарева, 2000], Е.З. Тарланова [Тарланов, 1999]. В 2000-е годы гендерная проблематика в художественной литературе становится предметом диссертационных исследований [Синцова, 2011], и прежде всего в центре внимания оказываются «женские» художественные произведения XIX–XX столетий [Пензина, 2009; Пушкарь, 2007; Татаркина, 2006].

Основная часть

Применительно к творчеству Достоевского одним из первых гендерную проблематику заострил А.П. Власкин. Показательна формулировка темы в его статье «Мужское и Женское: перспективы непонимания в художественной среде Достоевского» [Власкин, 2003]. Разделяя многое из положений автора статьи (а главное – заинтересованность этой проблематикой), хотелось бы дистанцироваться по важному направлению: только ли *непонимание* связано с перспективами взаимоотношений мужчин и женщин в произведениях Достоевского? Нет ли здесь признаков специфического, неполноценного – но все-таки *понимания*?

Тема эта слишком широка, поэтому «сузим» ее, почти хронологически, за счет выделения раннего этапа исканий Достоевского. Однако не только хронологически: логически здесь также многое выявляется как первые подходы писателя к этой проблематике.

Женской психологией Достоевский интересовался изначалью. Характерно, что в самых первых своих литературных замыслах и опытах он обращался преимущественно именно к этой теме. Еще в училище он работает над драмой «Мария Стюарт», затем переводит роман Эжена Сю «Матильда» и роман Жорж Санд «Последняя из Альдини». Наконец, переводит «Евгению Гранде» Бальзака (единственный дошедший до нас ранний опыт Достоевского). И на четыре этих замысла по воспроизведению женской психологии приходится лишь два «мужских» – драмы «Борис Годунов» и «Жид Янкель».

По иронии судьбы Федору Михайловичу, в отличие от старшего брата Михаила (они были погодками), долгое время не было уготовано изведать опыт серьезных взаимоотношений с женщинами. Они с братом были во многом родственные души. Но Михаил Михайлович женился в 1842-м и к 46-му году имел уже троих детей, а Федор Михайлович вплоть до каторги вынужден был довольствоваться покупными услугами

«Минушек, Кларушек и Марианн». Они, к его досаде, «стоят страшных денег. На днях Тургенев и Белинский разбранили меня в прах за беспорядочную жизнь» [Достоевский, т. 28/1: 116]. Заметим, что до гонорара за «Бедных людей» все эти «Минушки» писателю были, вероятнее всего, вообще не по карману. Был у него в это время опыт и более серьезных увлечений, но опыт совершенно бесперспективный. В письме к брату он признается в 1846 г.: «Я был влюблен не на шутку в Панаеву, теперь проходит, а не знаю еще. Здоровье мое ужасно расстроено; я болен нервами /.../. Порядочно жить я не могу, до того я беспутен» [Достоевский, т. 28/1: 118].

Какие же гендерологические аспекты нашли отражение в первом романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1846)? Фактически почти все, начиная с основополагающего замысла. Это произведение – развернутый диалог мужского и женского. Нечто подобное мы встретим еще лишь в «Белых ночах» и в «Кроткой».

Едва ли не в каждом письме Макара и Вареньки им приходится либо упрекать, либо извиняться за то, что они неправильно друг друга *поняли*. Например, в самом начале романа за два дня они обменялись сразу четырьмя письмами. В первом Макар умиляется над Варенькой: «Показалось мне, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали». Потом добавляет: «Я к тому пишу, что ведь разные бывают мечтания, маточка. А вот теперь весна, так и мысли всё такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; всё в розовом цвете» [Достоевский, т. 1: 14].

В ответ Варенька упрекает Макара за денежные траты: «Знаете ли, что придется наконец совсем поссориться с вами? Клянусь вам, добрый Макар Алексеевич, что мне даже тяжело принимать ваши подарки». Но тут же, чисто по-женски, оценивает цветы: «Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачем? Одно словечко стоит неосторожно сказать, как например об этой герани, уж вы тотчас и купите; ведь, верно, дорого? Что за прелесть на ней цветы! Пунсовые крестиками. Где это вы достали такую хорошенькую гераньку?» [Достоевский, т.1: 17–18]. Затем следует важнейшее *для Макара* замечание: «Ведь, право, одних стихов и недостает в письме вашем, Макар Алексеевич! И ощущения нежные, и мечтания в розовом цвете – всё здесь есть! Про занавеску и не думала; она, верно, сама зацепилась, когда я горшки переставляла; вот вам!». И наконец, она пишет о важнейшем *для неё* самой: «Ах, что-то будет со мною, какова-то будет моя судьба! Тяжело то, что я в такой неизвестности, что я не имею будущности, что я и предугадывать не могу о том, что со мной станет. Назад и посмотреть страшно. Там всё такое горе, что сердце пополам рвется при одном воспоминании. Век буду я плакаться на злых людей, меня погубивших!» [Достоевский, т.1: 17–18].

Макару в его ответном письме – не до цветов и не до «злых людей». Он болезненно воспринимает другое: «Да, подшутили вы надо мной, стариком, Варвара Алексеевна! Впрочем, сам виноват, кругом виноват! Не пускаться бы на старости лет с клочком волос в амурсы да в экивоки... <...> А ведь случается же иногда заблудиться так человеку в собственных чувствах своих да занести околесную. Это ни от чего иного происходит, как от излишней, глупой горячности сердца. <...> И в чувствах-то вы моих ошиблись, родная моя! Излияние-то их совершенно в другую сторону приняли. Отечественая приязнь одушевляла меня, единственно чистая отеческая приязнь, Варвара Алексеевна; ибо я занимаю у вас место отца родного, по горькому сиротству вашему; говорю это от души, от чистого сердца, по-родственному» [Достоевский, т.1: 19].

Варенька как раз не ошиблась в его чувствах и вполне его поняла, но теперь приходится успокаивать: «Неужели вы обиделись! Ах, я часто бываю неосторожна, но не думала, что вы слова мои примете за колкую шутку. Будьте уверены, что я никогда не осмелюсь шутить над вашими годами» [Достоевский, т.1: 21]. И действительно, шутка-то ее была вовсе не над годами Макара, а над его ощущениями и розовыми мечтаниями. Однако она с готовностью подхватывает и развивает мотив его отеческой заботы: «Нет,

добрый друг мой и благодетель, вы ошибетесь, если будете подозревать меня в нечувствительности и неблагодарности. Я умею оценить в моем сердце всё, что вы для меня сделали, защитив меня от злых людей, от их гонения и ненависти. Я вечно буду за вас бога молить» [Достоевский, т.1: 21]. Опять «злые люди» для нее важнее, а Макар – лишь в статусе защитника от них.

Представляют интерес мотивы, по которым Варенька в первых же двух письмах (и далее периодически) приглашает Макара: «А зачем вы сами к нам никогда не зайдете? Отчего это, Макар Алексеевич? <...> Зайдите, пожалуйста!». И во втором письме: «Вы напрасно стыдитесь ходить к нам, Макар Алексеевич. Какое другим дело! Вы с нами знакомы, и дело с концом!..» [Достоевский, т.1: 22].

В самом деле, почему для Макара Деушкина проблема зайти к Вареньке? Сам герой оговаривает: «Разве темнотою ночью пользуясь; да вот теперь и ночей-то почти не бывает: время такое». Макар не раз поясняет: «Как же я к вам приду? Голубчик мой, что люди-то скажут? Ведь вот <...> толки пойдут, сплетни пойдут, делу дадут другой смысл» [Достоевский, т. 1: 21]. Но это для нее они просто «знакомы, и дело с концом». А для него-то как раз «делу дадут другой смысл» – и попадут не в бровь, а в глаз. Он это предчувствует, и она это понимает, но не принимает.

В науке не однажды обращали внимание на разный круг чтения двух героев. Вкус у Макара, в отличие от Вареньки, поначалу примитивен. Но здесь тоже есть свои нюансы в гендерном аспекте. Он выписывает для девушки целые фрагменты из «ратазьевщины» – «Итальянские страсти» и «Ермак и Зюлейка». Но примечательно, что в обоих случаях акцентируются переизбыточные любовные чувства. В себе Макар ощущает смутный дефицит подобных ощущений. Но и Вареньке он подобное приписывает: «Вы у меня на этот счет привередница; трудно угодить на ваш вкус; <...> вам, верно, всё стихотворство надобно, воздыханий, амуров» [Достоевский, т. 1: 25].

Макар ошибся, хотя был и не так уж далек от истины. Об этом свидетельствует дневниковая тетрадь, которую Варенька ему пересылает. У нее, вероятно, есть свои цели. Можно предположить, что в ответ на его невысказанные, но горячие, далеко не отцовские чувства она хочет раскрыть ему свою душу, незабываемую историю ее девичьей влюбленности. Ее сердце занято, пусть даже «герой ее романа», студент Покровский, давно умер. Здесь достоверно автором распознан и открыт глубокий женский инстинкт – потребность засвидетельствовать, что, вопреки нынешнему положению, *и ее любили, и она любила* по-настоящему.

Достоевский не мог не почувствовать, что открыл здесь что-то чрезвычайно важное. Поэтому спустя почти двадцать лет, в «Записках из подполья» (1864), проститутка Лиза по тому же инстинкту доверчиво и гордо покажет клиенту-парадоксалисту любовное письмо некоего студента: *и ее любили!*

Но это будет гораздо позднее и потому достовернее. В «Бедных людях» откровения Вареньки еще насыщены, по выражению Макара, «воздыханиями и амурами». Вот фрагмент ее записей: «Какое-то внутреннее довольство разливалось по всему существу моему. Я так была рада вниманию Покровского. Я гордилась беспокойством и заботами его обо мне. Я продумала и промечтала всю ночь. Покровский не заходил более; и я знала, что он не придет, и загадывала о будущем вечере» [Достоевский, т. 1: 38]. Такова общая стилистика тетради Вареньки. Это не так уж далеко от ратазьевских «Итальянских страстей». Единственная, но важная разница – всё это будто бы *пережито*, а не выдуманно, чтобы произвести впечатление. Достоевский здесь просто пока не знает, как *о таком* должна бы писать женщина, как она *в таком* могла бы признаваться. И потому «ратазьевщина» будет преследовать его описания любовных переживаний вплоть до каторги, особенно применительно к женским образам.

Далее наше внимание распределим пунктирно, почти без цитат, но чтобы убедиться, что почти в каждом произведении (даже из ранних) наблюдается определенное развитие гендерологического опыта Достоевского.

Для примера обратимся к повести «Двойник» (1846). Голядкин здесь – как Макар Девушкин, оставшийся без своей Вареньки, «на самого себя». Но без отношения героя к женщине, пусть хотя бы пародийного, Достоевскому-художнику обойтись нельзя. И на роль объекта болезненного внимания Голядкина выдвигается почти картонная фигура Клары Олсуфьевны. Интересно при этом, что, во-первых, перед нами новый, опошленный вариант значения женщины в жизни мужчины: она для него – лишь средство достижения жизненного успеха. Но эти подсознательные цели драпируются Голядкиным в романтические одежды ратазиевского толка.

Во-вторых, важно, что в двух последних главах (12 и 13) возникает другая крайность: Клара Олсуфьевна – едва ли не наряду с роковым двойником – оказывается виновницей всех неудач Голядкина. И жизни она не знает, и вовлекла она его в гибельную авантюру. Словом, от женщин – весь вред...

Так меж двух безжизненных крайностей – искусственной романтизации и опошленной демонизации – тонет и теряется реально возможное сердечное отношение мужчины к женщине. Обратного же отношения в этой повести автор не показывает.

Зато с переизбытком Достоевский возмещает это в следующей повести – «Хозяйка» (1847). Она примечательна в разных и противоречивых отношениях.

С одной стороны, Достоевский странно ее в процессе работы оценивал: «Я пишу мою «Хозяйку». Уже выходит лучше «Бедных людей». Это в том же роде» [Достоевский, т. 28/1: 139]. Однако автор явно выдает желаемое за действительное. Но что-то он все-таки имеет в виду, когда так высоко оценивает свое новое произведение, что-то считает явной писательской удачей. Белинский же называл эту повесть «мерзостью» и «ерундой страшной» и аргументировал так: «автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору <...> и сильно натеревши всё это лаком русской народности» (в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года») [Белинский, 1982: 404–405]. На первый взгляд, прав Белинский, потому что в повести этой признаков «ратазиевщины» больше, чем где бы то ни было у Достоевского.

С другой стороны, «Хозяйка» если не поворотное для автора произведение (как иногда утверждали), то все-таки важное для его исканий, в том числе гендерологических. Еще Н.Н. Страхов указывал на новую для Достоевского тему повести – взаимоотношения народа и интеллигенции. А.П. Власкин в 1994 г. дополнил и конкретизировал это мнение: в повести корректируются искания писателя в сторону народной религиозности [Власкин, 1994, 31–39]. Для нашей темы важно также дополнить это замечанием, что в «Хозяйке» наблюдается принципиальное развитие гендерологического опыта Достоевского.

Дело в том, что в «Бедных людях» взаимоотношения героев оставались на уровне достоверной, масштабной и глубокой, – но всего лишь *душевности*. В «Двойнике» Достоевский от этого как будто отошел. В «Хозяйку» же интенсивность взаимопонимания и взаимоотношений мужчин и женщин не просто возвращается. Эта интенсивность нарастает и выходит на новый уровень. Здесь автором представлен уже полноценный любовный треугольник: Ордын – Катерина – Мурин (и это уже совсем не то, что «Макар – Варенька – Быков»). В «Хозяйке» взаимоотношения двух мужчин и единственной женщины рисуются как многообразные и драматичные – быть может, в ущерб достоверности. Здесь Белинский отчасти прав. Ему, конечно, было виднее, с его-то непростой личной жизнью, и особенно с позиции близкого очевидца взаимоотношений в треугольнике «Панаев – Панаева – Некрасов». Но Достоевский-то пока не имел подобного жизненного опыта; это придет к нему лишь после каторги.

Тем более можно поставить ему в заслугу следующее. В «Хозяйке» во взаимоотношения и взаимопонимание мужчин и женщин впервые привносится –

поверх душевного – *духовное* измерение. А что же при этом оказывается в роли духовного наиболее очевидным и доступным? Только религиозное. Особенно если учесть, что автор религиозен, и его взаимоотношения с женщинами пока что явно неполноценны.

В конце 1840-х Достоевский создает повесть «Белые ночи» (1848).

Признания его героя-мечтателя во многом явно автобиографичны, в том числе на тему взаимоотношений с женщинами. Автор мог бы повторить за своим героем: «только мечтаю каждый день, что наконец-то когда-нибудь я встречу кого-нибудь». Или такое: «Правда, нельзя же без того, я встречал двух-трех женщин, но какие они женщины? это все такие хозяйки...» [Достоевский, т. 2: 107]. Автобиографично и признание мечтателя, что хотел бы встретить и познакомиться «с какой-нибудь аристократкой». Только необходима поправка: как для героя, так и для автора важен не социальный статус. Скорее всего, подразумевается аристократизм духовный.

И вот в повести мечта героя сбывается – он знакомится с Настенькой.

Напрашиваются параллели с «Бедными людьми». В обоих случаях важны мотивы сочувствия и участия в судьбе несчастной девушки (мнимо «отеческого» у Макара и будто бы «братского» у Мечтателя). Примечательно невысказанное в «Бедных людях» и высказанное в «Белых ночах» условие со стороны девушки: «...не влюбляйтесь в меня... Это нельзя, уверяю вас. На дружбу я готова, вот вам рука моя...» [Достоевский, т. 2: 109]. Однако, как всегда, важны нюансы.

Во-первых, разница в возрасте уменьшает шансы Макара Алексеевича. В «Белых ночах» такой возрастной разницы нет, но шансы Мечтателя еще меньше за счет другого. Сердца обеих девушек заняты. Но если любимый Вареньки ушел в мир иной, то у Настеньки он еще ходит по земле, более того, он даже где-то рядом.

Во-вторых, в повести «Белые ночи» мужчина и женщина утверждают, что *знают* и вполне *понимают* друг друга. И это по ходу сюжета и в его финальном повороте, пожалуй, всякий раз находит себе подтверждения. Настенька заранее опасается, что с его стороны без любви не обойдется, – так и случается. Мечтатель предвидит, что с появлением «законного» соперника Настенька не устоит, – и вновь так и случается.

Наши наблюдения позволяют выявить следующие гендерологические открытия автора «Белых ночей». В доверительном душевном общении женщина и мужчина могут интуитивно и глубоко понимать друг друга. Но при этом каждый из них понимать другого бывает способен лучше, чем самого себя. Сердечные инстинкты со стороны еще подлежат пониманию или учету, в себе же самой (или в себе самом) они – как «беззаконные кометы». Так, например, при самом интенсивном душевном общении и даже сердечном сближении Мечтателя и Вареньки явление на сцену «прежнего и бесспорного» меняет всё. И для Мечтателя это не оказывается роковым сюрпризом – он подобное как бы заранее предвидел. В таких случаях тот, кому когда-то отдала свое сердце девушка, остается в этом сердце вопреки всему, и тогда уже никто ему не соперник.

С этим можно не соглашаться. Но таково гендерологическое открытие Достоевского на тот момент (создание «Белых ночей»). Впрочем, не только на тот момент. Уже в итоговом великом романе – «Братья Карамазовы» – Достоевский вновь настаивает на истинности этого открытия. Выше здесь уже использована формулировка названия романной главы – «Прежний и бесспорный», – где Дмитрий Карамазов как бы оказывается в роли «Мечтателя», а Грушенька – в роли «Настеньки».

Необходимо хотя бы кратко сформулировать некоторые гендерологические особенности незаконченного романа «Неточка Незванова» [1848]. Из прежней тематики здесь развивается мотив неизбывной (даже в замужестве и материнстве) любви женщины к «прежнему и бесспорному». Но к этому добавляется и ощущение женщиной – женой и матерью – жгучей вины за такую любовь. При этом фигурирует потаенное любовное письмо, что предвещает сходный мотив в будущем «Дядюшкином сне» [1859].

Много здесь новых гендерологических мотивов. Например, психологично показаны взаимоотношения скрипача Ефимова и спутницы его жизни. Но еще важнее драматичный треугольник: отчим – мать – дочь. Сама центральная героиня испытывает любовь к отчиму, и это «чудная любовь, как будто вовсе не детская. Я бы сказала, что это было скорее сострадательное, *материнское* (выделено Достоевским) чувство» [Достоевский, т. 2: 160]. Неточка добавляет: «И я не удивляюсь, что среди таких странных людей, как отец и мать, я сама сделалась таким странным, фантастическим ребенком» [Достоевский, т. 2: 162]. Стоит обратить внимание, что мотив любви ребенка ко взрослому из незаконченного романа перейдет у Достоевского позднее, уже в более развернутом виде, в первый послекаторжный его роман «Униженные и оскорбленные» [1861]: любовь Нелли к повествователю Ивану Петровичу. Вместе с тем, тот же мотив оказывается центральным и в последнем докаторжном произведении, написанном уже в крепости, перед судом, – в рассказе «Маленький герой» (был опубликован лишь в 1857 г. под псевдонимом «М-ий»). Однако мотив этот в рассказе почти зеркально перевернут: на этот раз мальчик влюблен в молодую замужнюю женщину. Как бы то ни было, внимание Достоевского к подобным искажениям «полулюбовных» инстинктов во взаимоотношениях ребенка и взрослого демонстрирует напряженность и остроту гендерологических исканий писателя в докаторжный период его творчества.

Самое гендерологически экзотичное в незаконченном романе «Неточка Незванова» – широко и психологично развернутый мотив почти лесбийских отношений между Неточкой и Катей. Подтверждения этому можно найти во многих фрагментах текста. Например, в таких: «Она целовала меня как безумная, целовала мне лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала как в истерике; я крепко прижалась к ней, и мы сладко, радостно обнялись, как друзья, как любовники, которые свиделись после долгой разлуки» [Достоевский, т. 2: 217]; «Мгновенье спустя я была в ее постели, мы обнялись и жадно прижались друг к другу. Княжна зацеловала меня в пух» [Достоевский, т. 2: 218]. Полудетски-женское начало, не находя выхода к мужскому, здесь как бы замыкается на самое себя.

Гомосексуальность – как в мужском, так и в женском ее вариантах, – безусловно, прямо относится к гендерологической проблематике. И явление это находит свою выраженность в творчестве Достоевского. Примечательно, что близко к очевидному такая выраженность открывается именно в раннем, докаторжном периоде. Достаточно убедительны в этом отношении наблюдения В.В. Беляева, изложенные в докладе «Юлиан Мастакович: несвятое гомосексуальное триединство («Петербургская летопись», «Елка и свадьба», «Слабое сердце»)». Правда, в соответствующей статье формулировка темы была сглажена [Беляев, 2012]. По нашим наблюдениям, не столько прямое, сколько косвенное выражение гомосексуальные мотивы находят и в позднем творчестве Достоевского. Но это уже – предмет для особых и специальных исследований.

Заключение

Итак, начальный период творчества Ф.М. Достоевского – важный этап, повлиявший на формирование индивидуального стиля писателя. Ряд художественных открытий в гендерном плане войдет, уже на новом уровне, в произведения более позднего периода. Определенный интерес к женской психологии не только сохранится, но и получит новое художественное воплощение в больших романах Достоевского, несмотря на то, что в центре идеологического романа всегда будет находиться герой-мужчина. Женско-мужские отношения в их различных вариантах, не исчерпывающихся сугубо любовным сюжетом, всегда будут в поле зрения писателя в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» и, конечно, в повести «Кроткая».

Список литературы References

1. Белинский В.Г. 1982. Собрание сочинений в 9 т. Т. 8. Художественная литература, Москва, СССР.
Belinskiy V.G. Sobranie sochineniy v 9 t. [Collected works in 9 volumes]. Vol. 8. Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR (in Russian).
2. Беляев В.В. 2012. Три несвятых триединства в докторской прозе Достоевского. В кн.: III Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». М., 394–400.
Beliaev V.V. 2012. Three unholy trinitities in Dostoevsky's prose books published before hard labor. In: III International Symposium "Russian Literature in the World Cultural Context. Moscow, Russia: 394–400. (in Russian)
3. Власкин А.П. 2003. Мужское и Женское: перспективы непонимания в художественной среде Ф.М. Достоевского. В кн.: Проблемы истории, филологии, культуры, 13: 131–137.
Vlaskin A.P. 2003. Male and Female: the prospects for misunderstanding in the artistic environment of F.M. Dostoevsky. In: Problems of History, Philology, Culture, 13: 131–137. (in Russian)
4. Власкин А.П. 1994. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. Магнитогорск.
Vlaskin A.P. 1994. Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo i narodnaia religioznaia kul'tura [Creativity of F.M. Dostoevsky and the people's religious culture]. Magnitogorsk. (in Russian)
5. Достоевский Ф.М. 1972–1990. ПСС в 30 т. Ленинград, Наука, 15564.
Dostoevskii F.M. 1972–1990. PSS v 30 t. [Complete works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka, 15564. (in Russian).
6. Иванов Вяч.В. 1978. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио. 184.
Ivanov V.V. 1978. Chyet i nechet: Asimetriya mozga i znakovykh system [Even and Odd: The asymmetry of the brain and sign systems]. Moscow: Sov.radio, 184.
7. Михайлова М.В. 1998. Лица и маски русской женской культуры «серебряного века». В кн.: Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков: 117–132.
Mikhailova M.V. 1998a. Litsa i maski russkoi zhenskoi kul'tury «serebrianoogo veka» [Faces and masks of Russian women's culture of the "Silver Age"]. In: Gendernye issledovaniia: Feministskaia metodologiia v sotsial'nykh naukakh [Feminist methodology in the social sciences]. Kharkiv: 117–132. (in Russian)
8. Михайлова М.В. 2000. Диалог мужской и женской культур в русской литературе серебряного века: «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum». В кн.: Russian Literature. North-Holland. 1 July 2000: 47–70.
Mikhailova M.V. 2000. Dialog muzhskoi i zhenskoi kul'tur v russkoi literature serebrianoogo veka: «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum» [Dialogue of male and female cultures in the Russian literature of the Silver Age: «Cogito ergo sum» – «Amo ergo sum»]. In: Russian Literature. North-Holland. 1 July 2000: 47–70. (in Russian)
9. Михайлова М.В. 1998б. Психологический анализ в русской женской прозе начала XX в. В кн.: «Ей не дано прокладывать новые пути...»? Из истории женского движения в России: Сборник научных трудов, 2. СПб: 5–15.
Mikhailova M.V. 1998. Psikhologicheskii analiz v russkoi zhenskoi proze nachala XX v. [Psychological analysis in Russian women's prose of the beginning of XX century]. «Ei ne dano prokladivat' novye puti...»? Iz istorii zhenskogo dvizheniia v Rossii: Sbornik nauchnykh trudov [«She is not allowed to make new paths ...»? From the history of the women's movement in Russia: Collection of scientific papers], 2. Saint-Petersburg: 5–15. (in Russian)
10. Пензина О.В. 2009. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства. Дисс.... кандидата филологических наук. Москва, 177.
Penzina O.V. 2009. Zhenskaia proza vtoroi poloviny XIX veka: gendernyi aspekt avtorstva [Women's prose of the second half of the XIX century: the gender aspect of authorship]. Diss.... cand. filol.n. Moscow, 177.
11. Пушкарь Г.А. 2007. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т.Толстой, Л.Петрушевской, Л.Улицкой. Дисс.... кандидата филологических наук, Ставрополь, 217.

Pushkar' G.A. 2007. Tipologiya i poetika zhenskoi prozy: gendernyi aspekt: na materiale rasskazov T.Tolstoy, L.Petrushevskoi, L.Ulitskoi [Typology and poetics of women's prose: the gender aspect: based on the stories of T.Tolstaya, L.Petrushevskaya, L.Ulitskaya]. Diss....cand.filol.n. Stavropol, 217.

12. Пушкарева Н.Л. 1996. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., ИЭА РАН, 285.

Pushkareva N. L. 1996. Zhenshchiny Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni [Women of Russia and Europe on the eve of the New Time]. M., IEA RAN, 285. (in Russian)

13. Пушкарева Н.Л. 2000. Феномен «женского чтения» и задачи исследования текстов, написанных женщинами. В кн.: Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы междунар. науч. конф. Иваново, Изд. центр «Юнона», 123.

Pushkareva N.L. 2000. Fenomen «zhenskogo chteniia» i zadachi issledovaniia tekstov, napisannykh zhenshchinami [Phenomenon of «female reading» and responsibilities of studying female literature]. In: Gendernye issledovaniia v gumanitarnykh naukakh: sovremennye podkhody: Materialy mezhdunar. nauch. konf. [Gender studies in Humanities: modern processes]. Ivanovo, Press-center «Yunona».

14. Пушкарева Н.Л. 1997. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М, Ладомир, 330.

Pushkareva N.L. 1997. Chastnaia zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noi Rossii. X – nachalo XIX v. Nevesta, zhen, liubovnitsa [Women's private life in Russia before industrial epoch. X–XIX century. A bride, a wife, a she-lover]. Moscow, Ladomir, 1997.

15. Синцова С.В. 2011. Гендерная проблематика в творчестве Н.В. Гоголя (литературно-художественные аспекты). Дисс... д-ра филол. наук. Казань, 377.

Sintsova S.V. 2011. Gendernaia problematika v tvorchestve N.V. Gogolia (literaturno-khudozhestvennye aspekty). Diss... d-ra filol. nauk. Kazan, 377.

16. Тарланов Е.З. 1999. Женская литература в России рубежа веков. В кн.: Русская литература, 1: 134–145.

Tarlanov E.Z. 1999. Zhenskaia literatura v Rossii rubezha vekov [Female literature in Russia at the turn of the century]. In: Russkaia literatura [Russian literature], 1: 134–145.

17. Татаркина С.В. 2006. Творчество А.Я. Панаевой в литературном контексте эпохи: гендерный аспект. Дисс. ... к. филол. наук. Томск, 217.

Tatarkina S.V. 2006. Tvorchestvo A.Ia. Panaevoi v literaturnom kontekste epokhi: gendernyi aspekt [A. Panayeva's creatures at the context of epoch: gender aspect]. Diss. ... k. filol nauk. Tomsk, 217.

18. Тихомиров Б.Н. 2017. Комментарии. В кн.: Ф.М. Достоевский. Белые ночи. Петербургская летопись. СПб., 261.

Tikhomirov B.N. 2017. Kommentarii [Feedbacks]. In: F.M. Dostoevskiy. Belye nochy. Peterburgskaya letopis' [F.M. Dostoevsky. Twilight all night. Chronicles of Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 261.

19. Трофимова Е.И. 1998. Женская литература и книгоиздание в современной России. В кн.: Общественные науки и современность, 5: 147–156.

Trofimova E.I. 1998. Zhenskaia literatura i knigoizdanie v sovremennoi Rossii [Female literature and publishing in modern Russia]. In: Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modern age], 5: 147–156.

20. Трофимова Е.И. 2002. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях. В кн.: Общественные науки и современность, 6: 178–188.

Trofimova E.I. 2002. Terminologicheskie voprosy v gendernykh issledovaniyakh [Terminology at gender studies]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modern age]. 6: 178–188.

21. Электронный библиографический указатель печатных материалов по истории женщин в России и гендерным исследованиям. URL: <http://www.rarwh.ru/baza/index4.html> (Дата обращения: 17.01.2018).

Elektronnyi bibliograficheskii ukazatel' pechatnykh materialov po istorii zhenshchin v Rosii i gendernym issledovaniyam [Electronic source book]. Available at: URL: <http://www.rarwh.ru/baza/index4.html> (Accessed 17.01.2018).